

Лекция №13. Тема: Иррационализм. Шопенгауэр, Кьеркегор, Бергсон

План:

1. Предпосылки появления иррационализма
 2. Артур Шопенгауэр (1788-1860)
 3. Сёрен Кьеркегор
 4. Бергсон
- Учение о длительности.
 - Психология.
 - «Творческая эволюция»

1. Предпосылки появления иррационализма

В первой половине XIX века развитие Европы шло, в целом, по восходящей линии. Природа покорялась человеку. Наука уверенно раздвигала границы познания. Все это вселяло уверенность в разумность мира и подтверждало, казалось бы, правоту рационализма.

Система европейского рационализма складывалась на путях изучения мышления и вычленения действия его законов. Философский рационализм — от Бэкона до Гегеля — искал законы «чистого разума», т.е. разума, очищенного от заблуждения и способного изменить жизнь людей по своим законам. Считалось, что принципы разума могут лечь в основу морали, политики, свободы, что на принципах разума следует строить совершенное государство. Историю также следует понимать с точки зрения разумности, рациональности. «Все действительное — разумно, все разумное — действительно», — говорил Гегель.

Французская революция 1789—1793 гг. явила миру страшные парадоксы. Революция, подготовленная на идеях веры в силу разума эпохи Просвещения, родила бессмысленный террор, развязанный теми, кто взялся перестраивать жизнь чуть ли не всей Европы на «принципах разума», кто даже объявил культ разума. Возникал и другой вопрос: а нужна ли массам истина? Не живут ли массы скорее мифами и иллюзиями, стереотипами, чем разумом, требующим всегда критического подхода к жизни, к действительности? И дело не только в том, что массовое сознание мифологично. Но еще и в том, что развитие науки и техники стало приносить уже не только сладкие плоды. Оно не только облегчало жизнь людей, но и служило силам зла, несло угрозу самой жизни человека. В самой философии после Канта (с его «Критикой чистого разума») принципы, рационализма стали переосмысливаться.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ (лат. *irrationalis* - бессознательное, неразумное) – философские течения, провозглашающие примат неразумного начала и делающие его основной характеристикой как самого мира, так и его миропонимания.

В противоположность философской классике постклассическая философия знаменует собой отказ от признания разумных оснований действительности и выдвигание на первый план иррационального момента.

Это не означает, однако, полного отрицания как рационального вообще, так и возможностей разума в процессе познания, - речь идет о своего рода изменении в расстановке акцентов, когда место и роль этих двух все пронизывающих антропологических и исторических констант (рационального и иррационального) радикально пересматриваются.

2. Артур Шопенгауэр (1788-1860)

Именно в такой ситуации и вырастает философия Артура Шопенгауэра, немецкого мыслителя, основоположника современного европейского иррационализма, противопоставившего систему своих взглядов прежде всего рационализму Гегеля.

Родители Шопенгауэра принадлежали к видным торговым семействам города Данцига, где он родился. Отец его был вольтерьянцем и считал Англию страной свободы и разума. Как и большинство видных граждан Данцига, отец ненавидел Пруссию за покушения на независимость вольного города и был так возмущен тем, что Данциг в 1793 году был присоединен к Пруссии, что уехал в Гамбург, понеся при этом значительный убыток. С 1793 по 1797 год Шопенгауэр жил с отцом в Гамбурге, а затем два года провел в Париже, после чего отец с удовольствием обнаружил, что мальчик почти забыл немецкий язык. В 1803 году Шопенгауэра поместили в пансион в Англии, где он возненавидел ханжество и лицемерие. Спустя два года, чтобы порадовать отца, он сделался клерком в гамбургском торговом доме, но чувствовал отвращение к деловой карьере и страстно стремился к литературной и академической деятельности. Такая возможность предоставилась со смертью отца, вероятно, покончившего жизнь самоубийством; мать Шопенгауэра очень хотела, чтобы сын забросил коммерцию и поступил в университет. Можно было бы думать что из-за этого Шопенгауэр любил мать больше, чем отца, однако дело обстояло как раз наоборот: он не любил мать, а об отце навсегда сохранил добрую память.

Его мать была женщиной с литературными устремлениями. За две недели до битвы при Иене она поселилась в Веймаре, где содержала литературный салон, писала книги и наслаждалась дружбой с людьми культуры. Она не питала большой привязанности к сыну, зато быстро подмечала его провинности. Она предостерегала его от напыщенности и ложного пафоса; ему досаждали ее флирты.

Достигнув совершеннолетия, он унаследовал скромное состояние, и после этого они с матерью стали постепенно находить друг друга все более несносными. Нет сомнения, что его низкое мнение о женщинах объясняется, по крайней мере отчасти, ссорами с матерью.

Уже в Гамбурге он попал под влияние романтиков, особенно Тика, Новалиса и Гофмана, у которого научился восхищаться Грецией и неприязненно думать о древнееврейских элементах в христианстве. Под влиянием другого романтика, Фридриха Шлегеля, он стал преклоняться перед индийской философией. В Геттингенском университете, куда он поступил в 1809 году, достигнув совершеннолетия, его научили восхищаться Кантом. Через два года он переехал в Берлин, где в основном занимался

наукой; он слушал лекции Фихте, но презирал его. Среди всеобщего возбуждения освободительной войны он оставался безучастным. В 1819 году Шопенгауэр стал приват-доцентом в Берлине и был столь самонадеян, что назначил свои лекции на один час с лекциями Гегеля, однако, не сумев переманить слушателей Гегеля, он вскоре бросил читать лекции. В конце концов он поселился во Франкфурте и зажил жизнью старого холостяка. У него был пудель по имени Атма (Мировая душа), два часа в день Шопенгауэр гулял, курил длинную трубку, читал лондонскую газету "Тайм" и нанимал корреспондентов выискивать доказательства его славы. Он был настроен антидемократически, ненавидел революцию 1848 года, верил в спиритизм и магию; в его кабинете стояли бюст Канта и бронзовый Будда. Шопенгауэр пытался копировать образ жизни Канта во всем, за исключением раннего вставания.

В 1818 году в 30 - летнем возрасте Шопенгауэр завершает 1 том своего основного труда – «Мир как воля и представление». До конца жизни он развивал идеи своего основного произведения. Шопенгауэр придавал ему большое значение и даже зашел так далеко, что утверждал, будто некоторые параграфы книги продиктованы Святым Духом. К его огромному разочарованию, книга успеха не имела. В 1844 году он убедил издателя опубликовать второе издание, но признание, которого он так жаждал, пришло к нему много позднее. Второй том вышел в 1848 г.

Шопенгауэр пессимист, поэтому тема страданий, слепой судьбы и смерти, развитая индийской философией и буддизмом была им заимствована и получила развитие в современных европейских реалиях. Шопенгауэр считает волю, лежащей в основе мира, которая подчиняет себе и интеллект. Как вещь в себе и основа всякого явления воля свободна, а любое явление двойственно; с одной стороны это причина, с другой – следствие, поэтому все явления подчиняются необходимости. Только для человека возможен выбор решений и внутри его разгорается борьба мотивов, на которые каждая личность реагирует в соответствии со своим характером всегда закономерно и необходимо.

Принципом иррационализма пользовались многие философские направления, в частности, философия жизни, экзистенциализм и др. Шопенгауэр не просто уменьшил роль разума за счет эмоций, он оспорил само понятие разума как области осознанной ментальной деятельности человеческого сознания, введя в него бессознательно-иррациональные моменты. Это уже не было бессознательное в кантовском понимании, когда бессознательное действовало «рука об руку» с рассудком и могло быть осознано разумом (как у Фихте и Шеллинга) в своей структуре, это уже было бессознательное как универсальная иррациональная стихия, неподвластная никаким рациональным методам исследования.

Интеллект, согласно Шопенгауэру, сам того не сознавая, функционирует не по своему рациональному плану, но по указаниям воли, которая признается единой энергийной основой всех личных волей и самого объективного мира: для него интеллект – это лишь орудие воли к жизни, как

когти и зубы зверя. Интеллект утомляется, а воля неутомима. Таким образом, Шопенгауэр, с одной стороны, стремился к расширению наших представлений о мире человеческой психики, сводимой ранее преимущественно к рациональному началу, а с другой – он остался на позициях объективного идеализма Гегеля, заменив на «посту» первопричины мира рациональную абсолютную идею на иррациональный момент человеческой психики – метафизическую первоволю. Реальна только одна космически громадная воля, которая проявляется во всем течении событий Вселенной.

В материальном мире господствует строжайшая необходимость, здесь нет свободы воли, есть лишь причины действия: волевые решения субъектов определяют их поведение, которыми, в конечном счете, является любая совокупность человеческих поступков. Всякая причинность сводится Шопенгауэром к актам воли, исходящим из первоосновы - Мировой Воли. «Волевые решения - это мотивации, а всякая мотивация - это «причинность, видимая изнутри».

На определенной ступени развития в качестве вспомогательного орудия действия возникает познание и вместе с ним мир как представление с присущими ему формами: соотносительными субъектом и объектом, пространством, временем, множественностью и причинностью; мир, который до сих пор был только волей, становится теперь объектом для познающего субъекта, или представлением. Как вещь в себе и основа всякого явления воля свободна; наоборот, все, что относится к явлению, есть, с одной стороны, причина, с другой — следствие. А это значит, что вся совокупность явлений природы (в том числе эмпирический человек) подчинена необходимости.

Для человека возможен выбор решений, и эта возможность делает человека ареной борьбы мотивов, на которые в соответствии со своим характером каждая личность реагирует всегда закономерно и необходимо. Остается, таким образом, вопрос: свободна ли сама воля? Здесь, стало быть, понятие свободы, которое до тех пор мыслилось лишь по отношению к возможности, было уже применено к хотению, и возникла проблема, свободно ли само хотение? Но при ближайшем рассмотрении первоначальное, чисто эмпирическое, и потому общепринятое понятие о свободе оказывается неспособным войти в эту связь с хотением. Ибо в понятии этом «свободный» означает «соответствующий собственной воле»; коль скоро, следовательно, спрашивают, свободна ли сама воля, то это, значит, спрашивают, соответствует ли воля сама себе; хотя это само собою, разумеется, однако это ничего нам не говорит. Эмпирическое понятие свободы выражает следующее: «Я свободен делать то, что я хочу», - причем слова «что я хочу» уже решают вопрос о свободе. Но теперь мы спрашиваем о свободе самого хотения, так что вопрос должен принять следующий вид: «Можешь ли ты также хотеть того, что ты хочешь?» - выходит так, как будто бы данное хотение зависело еще от какого-то другого, скрывающегося за ним хотения таким образом, пришлось бы подниматься все выше и выше в

бесконечность, причем одно хотение мы всегда мыслили бы в зависимости от другого».

Человек, пишет Шопенгауэр, метафизическое существо и потребность к философствованию заложена в его природе. Наиболее сильным толчком к философскому размышлению является столкновение человека со страданиями и горестями мира, поэтому его философия дает людям главную истину: жизнь «мишура», плесень на нашей планете и все мы умрем. Мир неразумен и бессмыслен, а жизнь ничего кроме страданий не может принести.

Шопенгауэр не верит в бессмертие души. Господство зла несовместимо с верой в Бога. Человек должен преодолеть себя, погасив волю к жизни, отказаться от ее иллюзорных соблазнов. Идеал Шопенгауэра взят из буддизма – это неприятие мира – нирвана. Выход из абсурда – перестать участвовать в нем. Его взгляды повлияли не только на развитие философии, но и на психологию и культурологию.

Шопенгауэр пессимист, тогда как почти все другие философы в каком-то отношении оптимисты. Он отрицает христианство, предпочитая ему религии Индии: индуизм и буддизм. Он человек большой культуры и почти так же интересуется искусством, как и этикой. В поисках философии, которой можно было бы верить, он всегда обращался к профессиональным философам меньше, чем к деятелям искусства и литературы.

Он признает три источника своей философии: Канта, Платона и Упанишады. Его мировоззрение по своему темпераменту имеет сходство с мировоззрением эллинистической эпохи. Усталое и болезненное, оно ценит мир больше, чем победу, квиетизм (безразличие) – больше, чем попытки реформ, которые Шопенгауэр считал неизбежно тщетными.

Шопенгауэровская система – это адаптация системы Канта. Однако Шопенгауэр подчеркивал в "Критике" совсем не те стороны, что Фихте или Гегель. Они отказывались от "вещи в себе" и, таким образом, основным метафизическим принципом делали познание. Шопенгауэр сохранил "вещь в себе", но отождествил ее с волей. Он считал, что то, что представляется в восприятии как мое тело, есть на самом деле моя воля. Подобный взгляд в большей мере, вопреки желанию основной массы кантианцев признать это, является развитием философии Канта. Кант утверждал, что изучение морального закона может вывести нас за рамки явления и дать нам познание, которого чувственное восприятие дать не сможет. Он также утверждал, что моральный закон касается в основном воли. Различие между хорошим и плохим человеком для Канта – это различие в мире "вещей в себе", а также разница в волевых актах. Отсюда следует, что, по Канту, волевые акты должны принадлежать к реальному миру, а не к миру явлений. Явление, соответствующее волевому акту, – это телесное движение. Моя воля поэтому единственна и безвременна. Нет, даже более того, ее надо отождествлять с волей всей Вселенной; моя "отдельность" – это иллюзия, являющаяся продуктом моего субъективного аппарата пространственно-временного восприятия. То, что реально, – это одна громадная воля, проявляющаяся во

всем течении Вселенной, в равной степени в одушевленной и неодушевленной природе.

Можно было бы ожидать, что Шопенгауэр отождествляет эту космическую волю с Богом и проповедует пантеистическую доктрину, не отличающуюся от учения Спинозы, где добродетель состоит в том, чтобы подчиняться Божественной воле. *Но тут пессимизм Шопенгауэра приходит к другому развитию. Космическая воля зла; воля вообще зла и в любом случае является источником всех наших бесконечных страданий. Страдание - существенная часть всей жизни, и оно возрастает при каждом увеличении познания. У воли нет фиксированного конца, который, будучи достигнут, принес бы удовлетворение. Хотя смерть в конце концов все равно победит, мы преследуем наши безуспешные цели, "так стараемся выдуть мыльный пузырь как можно больше, хотя отлично знаем, что он лопнет". Такой вещи, как счастье, не существует, потому что неосуществленное желание причиняет боль, а достижение приносит лишь пресыщение. Инстинкт понуждает людей производить потомство, что вызывает к жизни новые возможности для страдания и смерти; вот почему с половым актом связан стыд. Самоубийство бесполезно; учение о переселении души, даже если оно и не является истинным буквально, все же выражает истину в форме мифа. Все это очень печально, но имеется выход, и он был открыт в Индии.*

Самый лучший из мифов - это миф о нирване, которую Шопенгауэр понимает как угасание. Он согласен, что это противоречит учению христианства, но "то, что случилось в Галилее, не заменит древней мудрости рода человеческого". Причина страданий - это напряжение воли: чем меньше мы упражняем волю, тем меньше мы будем страдать. И вот здесь, наконец, оказывается полезным познание при условии, что это познание определенного рода. Отличие одного человека от другого - это часть мира явлений, оно исчезает, если видеть мир в истинном свете. Для хорошего человека покрывало майи (иллюзия) делается прозрачным, он видит, что все вещи - одно и что разница между ним и другим человеком только кажущаяся. Он приходит к этому пониманию через любовь, которая всегда - сострадание, и должен ощущать боль других. Когда поднимается покрывало майи, один человек принимает страдание всего мира. У хорошего человека познание всегда смиряет все явления. Его воля отворачивается от жизни и отрицает свою собственную природу. "И поднимается в нем отвращение к природе, выражением которой является его собственное феноменальное существование, отвращение к сути и внутренней природе этого мира, который, как признано, полон несчастья".

Здесь Шопенгауэр приходит к полному согласию с аскетическим мистицизмом. В ортодоксальном христианстве тоже имеются некоторые хорошие вещи, особенно учение о первородном грехе, проповедуемое против "вульгарного пелагианства" св. Августином и Лютером; но евангелисты прискорбно несовершенны в метафизике. Буддизм, говорит Шопенгауэр, - это самая высшая религия; этические учения буддизма общеприняты по всей Азии, исключая те районы, где преобладает "отвратительное учение ислама".

Хороший человек будет жить в совершенной строгости в добровольной бедности, постясь и подвергая себя самоистязанию. Всем этим он добьется подавления своей индивидуальной воли. Но он делает это вовсе не для того, чтобы достичь гармонии с Богом, как западные мистики, он не ищет никакого положительного добра. То добро, которого он ищет, целиком и полностью отрицательно. "Мы должны прогнать мрачные впечатления о том "ничто", которое мы различаем за всей добродетелью и святостью как их конечную цель и которого мы боимся, как дети боятся темноты; мы не должны даже ускользать от него, как индийцы, с помощью мифов и ничего не значащих слов, таких как всепоглощающая брахма или нирвана буддистов. Мы довольно свободно понимаем, что то, что остается после полного уничтожения воли, есть ничто для всех, еще исполненных воли; но и, обратно, для тех, в ком воля отрицает себя, этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями есть ничто". Здесь имеется неясное предположение, будто святые видят что-то положительное, которое недоступно другим, но нигде нет ни намека, что это такое.

Мир со всеми его явлениями, как говорит Шопенгауэр, - это только его воля. С отказом от воли: "...все эти явления также исчезают, исчезает то постоянное напряжение и бесконечные попытки - без отдыха на всех степенях объективности, в которых и через которые состоит мир, исчезают разнообразные формы, постепенно следующие одна за другой, все проявления воли и, наконец, универсальные формы этого проявления - время и пространство, а также его последняя фундаментальная форма - субъект и объект, - все исчезает. Нет воли, нет мысли, нет мира. Перед нами только небытие". Превосходство воли над интеллектом проявляется в совершаемых людьми поступках, которые происходят не под влиянием разума, инстинктов и желаний, даже очень вредных. Сильнейшим инстинктом является половая любовь, которая ведет к рождению новых поколений, обреченных на муки и страдания.

Шопенгауэровская проповедь смирения не очень последовательна и не очень искренна. Мистики, к которым он апеллирует, верили в созерцание, в блаженное видение - самый глубокий из всех достижимых видов познания; этот вид познания - высшее добро. Христианство учит нас, что наша внутренняя жизнь состоит в познании Бога. Но Шопенгауэр не утверждает ничего подобного. Он согласен, что то, что обычно считают познанием, есть лишь покрывало майи, однако когда мы проникаем сквозь эту вуаль, мы видим не Бога, а сатану, злую всемогущую волю, постоянно ткающую паутину страдания, чтобы мучить своих созданий. Испуганный видением дьявола, мудрец кричит: "Прочь!" - и ищет убежища в несуществовании. Для мистиков было бы оскорблением, если бы сочли, что они верят в эту мифологию. А предположение, что и без достижения полного несуществования мудрец может все же жить жизнью, имеющей какую-то ценность, невозможно примирить с шопенгауэровским пессимизмом. Пока мудрец существует, он существует потому, что сохраняет волю, которая есть

зло. Он может уменьшить количество зла, ослабляя свою волю, но он никогда не придет ни к какому положительному добру.

Учение его неискренне, если судить о нем по жизни самого Шопенгауэра. Обычно он плотно обедал в хорошем ресторане, имел много тривиальных любовных интрижек - чувственных, но не страстных, и был на редкость сварливым и необычайно скупым человеком. Однажды ему мешала пожилая швея, которая болтала с подругой возле дверей его квартиры, тогда он спустил ее с лестницы, нанеся ей увечье на всю жизнь. Решением суда он был принужден платить ей пожизненно 15 талеров каждый квартал. В его жизни трудно найти что-нибудь такое, что говорило бы о его добродетели, кроме любви к животным: он выступал даже против вивисекции (вскрытия животных), проводимой в интересах науки. Во всех остальных отношениях он был полным эгоистом. Трудно поверить, что человек, столь глубоко убежденный в добродетельности аскетизма и смирения, никогда не делал никаких попыток провести практически в жизнь свои убеждения.

С точки зрения исторической у Шопенгауэра важны два момента: его пессимизм и учение о том, что воля выше познания. В той или иной форме учение о первичности воли поддерживают многие философы нового и новейшего времени, в особенности Ницше, Бергсон, Джеймс, Дьюи. Более того, оно приобрело популярность и за пределами круга профессиональных философов. И пропорционально тому, как увеличивалось значение воли, уменьшалось значение познания.

Бессмертие души (как и другие догматы христианства) Шопенгауэр отрицал. Господство мирового Зла не совместимо, считал философ, с верой в бога. Надеяться человек может только на себя: у него есть единственный достойный выход — преодолеть, погасить «волю к жизни», отказаться, от ее ложных соблазнов. Идеал Шопенгауэра - нирвана, неприятие мира. Выход из состояния абсурда — перестать участвовать в нем. Космический пессимизм Шопенгауэра не заслоняет его большой несомненной заслуги: философ открывает новый, неведомый ранее для науки и философии мир — мир бессознательного, став, тем самым, не столь уж отдаленным предшественником целой большой науки о бессознательном в психологии, психиатрии, философии, культурологии XX века (З. Фрейд, К. Юнг и др.). Несомненно влияние Шопенгауэра и на такие более поздние направления мысли, как экзистенциализм и «философия жизни».

3. Сёрен Кьеркегор

Сёрена Кьеркегора (1813-1855) уже при жизни называли «Анти-Гегелем». Однако его иррационализм совершенно другого свойства, чем у Шпенгауэра. Домашняя атмосфера, в которой он рос, была проникнута сознанием вины. Его отец проклинал Бога.

Недоверие к разуму у Кьеркегора было вызвано тем, что он отрицал единое идеальное начало мира, - будь то воля, разум или что-либо другое из свойств сознания. Он считает, что мышление экзистенциально (exsistentia - существование) связано с внутренней духовной жизнью личности, ее интимными переживаниями. Только такое мышление может носить

настоящий человеческий смысл. По этой причине отношение человека к реальности тоже субъективно и не может носить какого-то объективного характера. Многочисленные труды датского мыслителя проникнуты, даже одухотворены антирационалистическим (а потому и антигегелевским) духом. Гегель, как известно, считал мир разумным. Более того, он считал его осуществлением понятий, объективацией мирового разума.

Выступая против Гегеля, он доказывал неуместность философии как чистой теории «абсолютного духа» для реального существования человека. Философия имеет смысл, только учитывая такую реальность.

Вера – высшая страсть, которая осуществляется вопреки разуму и носит личностный характер отношений с Богом. Кьеркегор указывает на невыразимость опыта веры, продолжая линию христианских теологов, начатую Апостолом Павлом, продолженную Тертуллианом, Августином, средневековыми мистиками, Паскалем и Лютером.

Единичное выше, «истиннее» всеобщего — это и есть та главная мысль, которую так художественно ярко и выразительно поведал людям Серен Кьеркегор на страницах своих многочисленных сочинений.

Язык, стиль этих сочинений откровенно противостоит рационалистическому умозрению. Системность изложения в них отсутствует, но сила эмоционального воздействия на читателя очень большая, что достигается искренностью и доверительностью тона, психологической убедительностью его образов. В 1841 г. Кьеркегор защитил магистерскую диссертацию «О понятии иронии», в которой заявил о себе как философ-романтик. Уже в этой работе он подверг критике Гегеля за обезличивание индивида, за стремление отдать его под власть внешних, усредненных сил истории. Одно из крупнейших произведений Кьеркегора — «Или — или». В этом произведении философ сталкивает, противопоставляет друг другу два мировоззрения и два образа жизни человека: эстетический и этический. Кьеркегор показывает «разбитое» и бессмысленное бытие мира, порождающее страх и отчаяние. Люди делятся им на три категории: эстетическую, этическую и религиозную. Эстетический человек стремится к наслаждению и ориентирован на внешнее, поэтому не является подлинной личностью. Подлинное существование носит этически-личностный характер, причем мотивом поведения является внутренний долг, который определяется осознанием своей греховности и потребностью в раскаянии. Средоточием третьей, религиозной стадии является мгновение прыжка веры, которое открывает истинный смысл существования — соединением временного и вечного, приводящего к абсолютному слиянию с Богом.

Первый из них увлекает человека, обещая ему наслаждение красотой, второй призывает к нравственности и выполнению долга*.

Но и эстетическое и этическое — это еще не самые высшие стадии познания человеком своего существования. На пути к богу он должен подняться на самую высшую ступень — религиозную. «Эстетический» человек живет переживанием минуты, «этический» — заботой о будущем. Но только «религиозный» — ощущением вечности. Кьеркегор настаивает на

полной иррациональности, алогичности религиозного переживания, отводя всякие попытки (гегельянские или картезианские) рационализировать религиозное чувство. Христианство, по убеждению датского теолога, не оставляет места для оптимизма и надежды на счастье в земной жизни. С этих позиций Кьеркегор критиковал Реформацию за ее враждебное отношение к средневековому аскетизму.

Гегелевской объективной диалектике (диалектике бытия и диалектике сущности) Кьеркегор противопоставляет свою, экзистенциальную диалектику (или «диалектику существования»). В противоположность гегелевской диалектике диалектика Кьеркегора исходит из экзистенциальных, принципиально не объективируемых предпосылок, которые нельзя не только теоретически помыслить, но даже изречь. Их можно лишь интимно-лично переживать. Из всех переживаний человека главнейшее — «страх», выражающий бытие личности перед лицом смерти. Каждый переживает ожидание смерти сам, наедине с собой. Ни поделиться с другим, ни передать другому такое переживание нельзя — но именно поэтому оно относится к сфере подлинного, истинного существования личности (экзистенции). При жизни Кьеркегор был мало известен. Эпоха Кьеркегора (40-е годы XIX века) плохо слышала и мало понимала датского мыслителя. Это было время революции, мало подходящее для тонких медитаций копенгагенского богослова. Да и первой половине XX столетия, с ее величайшими социальными потрясениями, не всегда были близки умонастроения экзистенциальной философии. Но все же в XX веке, между мировыми войнами, когда особенно остро чувствовалась трагедия неисчислимых потерь, интерес либеральной, демократической интеллигенции к мыслителю, отвергнутому, осудившему тоталитаризм в культуре и политике, становился все более глубоким и неподдельным. Кьеркегор становится читаемым автором. Крупнейшие мыслители Германии, Франции, России «открывают» для себя своего загадочного предшественника, зачитываются его книгами. К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. - П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель, Л. Шестов — каждый по-своему откликнулся на идеи Кьеркегора и каждый по-своему продолжил, развил их.

Кьеркегор полностью отрицает официальное христианство. Популярность к нему пришла только в XX столетии.

4. Бергсон

Бергсон Анри Луи (1859—1941) — один из самых крупных философов Франции XX века. Почитатели ставили его в один ряд с Декартом и Кантом. Бергсон создал оригинальную философскую и этико-религиозную концепцию.

Анри Бергсон родился в 1859 году в Париже в семье композитора и музыканта Мишеля Бергсона. Родители предоставили сыну возможность получить классическое образование, традиционное для представителей французской интеллектуальной элиты. Он учился в лицее Кондорсье и в Высшей нормальной школе, после окончания которой работал лицейским преподавателем философии в провинции и в Париже. После недолгого

преподавания в Высшей нормальной школе Бергсон в 1900 году становится профессором Коллеж де Франс. К этому времени он уже широко известен в научных кругах Европы и Америки, публикация же в 1907 году «Творческой эволюции» — самой известной его книги — делает его необычайно популярным среди образованных людей всего мира. Мастерство, с которым она написана, было оценено Нобелевским комитетом, присудившим ему в 1927 году премию, пока единственную в мире, данную за литературные достоинства философского труда.

Бергсон родился в тот самый год, когда был опубликован труд Дарвина *Происхождение видов*. В Европе тогда велись живые дискуссии о смысле эволюции. Бергсон рано осознал, какое значение имеет понятие эволюции для философии. В те годы превалировало механистическое мировоззрение, согласно которому все вещи должны были объясняться в терминах материи и движения. Пользовавшийся популярностью взгляд Канта о непостижимости последней реальности, позитивизм Конта и широко распространенный скептицизм в отношении религии и всего сверхъестественного, — все это соединилось в мировоззрение, которое делало безнадежным любое стремление постигнуть смысл бытия, выходящего за пределы материального мира. Однако Бергсон не принял ни узкого взгляда на мир, ни теории о границах познания, ни отрицания человеческой свободы. С его точки зрения, современные мыслители некритически восприняли новый феномен эволюции, втиснув его в рамки старого материалистического мировоззрения, и Бергсон поставил под сомнение справедливость механистических представлений.

Еще более глубокой и революционной была идея Бергсона о самой природе существования. Начиная с греков целью большинства философов было определение всех вещей в терминах бытия — постоянно пребывающего, вечного, неизменного. Но изучение эволюции показало, что фундаментальной реальностью следует считать сам поток (у греческих философов — «становление»). Редуцировав постоянный процесс изменения к системе фиксированных материальных элементов, наука подчинила природу предвзятой и искусственной схеме «механического повторения». Значительным вкладом Бергсона в философию была новая концепция существования как изменения во времени, длительности, свободного, творческого движения жизни.

Философия Бергсона, в отличие от большинства систем прошлого, дуалистична. Мир для него разделен на две в корне различные части: с одной стороны — жизнь, с другой — материя, или, вернее, то инертное "что-то", которое интеллект рассматривает как материю. Вся вселенная есть столкновение и конфликт двух противоположных движений: жизни, которая стремится вверх, и материи, которая падает вниз.

Развивая идеи двойственной природы нашего познания, Бергсон углубляется в проблемы психологии — этому посвящена «Материя и память» (1896). Более специальная работа — «Смех. Очерки о значении комического» (1900) — не менее детально описывает психологический

феномен смеха и те ошибочные интерпретации, которые существовали в истории философии. Своеобразной реконструкцией метафизики — революционным интуитивизмом — становится «Творческая эволюция» (1907) и предваряющее ее «Введение в метафизику» (1903). Именно «Творческая эволюция», где вводится понятие творческого порыва сделала Бергсона для многих популярным.

Он заканчивает в 1932 г. еще один труд, посвященный человеческому обществу «Два источника морали и религии». В эти годы на Бергсона сильное влияние оказывает католицизм, и он, согласно многим свидетельствам, собирается перейти из иудаизма — религии его родителей — в католичество, но волна антисемитизма заставляет его отложить эти планы: «Я предпочту остаться среди тех, кто завтра будет изгоем». После оккупации Франции фашистами он отказывается от предложенного ему звания «Почетный ариец» и идет в бесконечную очередь регистрации евреев, простужается и через два дня — 7 января 1941 г. — умирает от воспаления легких.

Бергсон является родоначальником интуитивизма, поскольку он противопоставил рациональным познавательным способностям способности интуиции. Только интуиция способна схватить истину — истину целостной и изменчивой жизни. На этом основании Бергсона считают представителем так называемой академической философии жизни, которая старается решить традиционные проблемы философии, исходя из того, что основным специфическим предметом ее внимания должна быть жизнь.

Учение о длительности.

В «Очерке о непосредственных данных сознания» Бергсон вводит свое знаменитое понятие длительности которое оказывается определением сознания: «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше Я просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали». Бергсон ставит своей задачей определить сознание так, чтобы возникла предельно широкая картина индивидуальной духовной жизни, включающей мысли, образы, эмоции, в противовес популярному тогда количественному подходу в психологии.

Бергсон считает, что духовная жизнь не подчиняется детерминистским законам науки. Длительность отлична от детерминистского понимания пространства и времени. Казалось бы, эта идея присуща самым разным наукам, в том числе и психологии, но, по мнению Бергсона, ни в одной науке нет концепции, в которой время было представлено так, как мы его переживаем. Идея Бергсона состоит в том, что переживание времени совпадает с последовательностью состояний нашего сознания, которая не сводится к фиксации отдельных единообразных моментов — универсальных дискретных единиц. Бергсон дает в качестве примера сюжет с часами: когда я слежу глазами за стрелками часов, то я считаю одновременности, а не измеряю длительность, — вне меня, в пространстве, есть только одноединственное положение стрелок, от прошлого ничего не осталось, но

«внутри же меня продолжается процесс организации или взаимопроникновения фактов сознания, составляющих истинную длительность». Только благодаря этой длительности я представляю себе прошлые положения в тот самый момент, когда я воспринимаю данное положение.

Сам человек – существо, обладающее памятью, и поэтому он не находится во власти действующей в данный момент силы или сиюминутного импульса. Прошлое не предопределяет здесь настоящее, ибо человек самопроизвольно меняется в настоящем и потому свободен.

Сознание в широком его понимании, или истинное, основное Я со всем единством многообразия, состоит в чистом переживании длительности — в чистом протяжении времени. Во многом Бергсон опирается на априоризм И. Канта, согласно которому пространство и время суть априорные формы чувственности. Время — особая форма чувственности, поскольку является «внутренней», структурирует Я и, как отмечается у И. Канта, оказывается основой опыта, конституирующего чувственный материал на основе чистых понятий рассудка по принципу так называемого схематизма времени. Но Кант, с точки зрения Бергсона, путает пространство и время, считая время столь же схематичным, дискретным, как и пространство.

Психология.

Двойственная теория познания, представленная в первой работе Бергсона, должна быть дополнена психологией, которая объяснила бы механизм такого познания. Этому посвящена работа «Материя и память». Основные срезы сознания — восприятия и воспоминания — в современной Бергсону психологии рассматривались как различные по степени интенсивности явления одной природы. В этом была особенность и английской философии Нового времени, повлиявшей на всю островную философию XX в.: реальность воспринятого объекта и идеальность представленного — суть одно и то же. Как отмечает сам Бергсон, психологическая проблема превращается таким образом в проблему метафизическую, которая требует принципиально нового решения: проблема определения памяти, не сводящего память к функционированию материи — мозга. Поэтому Бергсон начинает с условного «чистого восприятия», то есть тело рассматривается как математическая точка в пространстве, а само восприятие как математический момент во времени, и обнаруживается, что восприятие — это «виртуальное действие вещей на наше тело и нашего тела на вещи», состояние мозга является продолжением восприятия, начавшимся действием. Мозг регистрирует то, что полезно для действия. В этом смысле, по мнению Бергсона, следует понимать интеллектуальные иллюзии, которые сводят всю духовную деятельность исключительно к мозговой. У Бергсона есть замечательное образное определение характера мозговой деятельности: мозг работает как орган пантомимы, он оживляет мысль, переводит ее в движение и мимику. Поэтому психологический анализ должен, во-первых, вернуться к проблеме объяснения происхождения умственных функций, а во-

вторых, специальное внимание обратить на метафизическое объяснение механической привычки действовать. Когда мы добавляем субъективные моменты — придаем телу его протяженность, а восприятию — его длительность, или, соответственно, аффективность и память, то окажется, что чистое восприятие не является чистым созерцанием или возвращением к воспоминанию, которое считалось ослабленным восприятием. Воспоминание не может быть результатом церебрального состояния (состояния мозга). Это сфера духа. Память отделима от мозговой деятельности и именно благодаря памяти мы обретаем чувство собственного Я — все богатство нашего внутреннего духовного мира, не связанного с внешними действиями.

Еще одним оригинальным вкладом Бергсона в философию была его концепция познания. Интеллектуальные способности человека представляют собой успешную адаптацию к миру в той степени, в какой мир является упорядоченной, законосообразной системой причин и следствий. Интеллект — это инструмент, помогающий нам справиться с реальностью, и он сформировался, потому что был полезен для успешной деятельности. Многочисленные достижения науки, благодаря которым природа была поставлена на службу человечеству, свидетельствуют об этой практической функции разума. Но в ходе эволюционного процесса развилась и другая способность, содействующая успешной адаптации. Важнейшую роль в царстве животных выполняет инстинкт. Это также полезное знание, но оно существенно отличается как процесс от процедур интеллектуального рассуждения. Инстинкт позволяет постичь важные для жизни вещи безо всякого научения или интеллектуальных операций. Инстинктивный разум является необходимым дополнением к научному познанию. Он позволяет человеку жить, понимая других людей и жизнь в целом. Способность инстинктивного постижения присуща всем людям, поскольку она есть всего лишь проявление на новом уровне того, что было достигнуто ранее в эволюционной истории живых существ. Бергсон называет эту способность и знание, которое удается получить с ее помощью интуицией.

«Творческая эволюция»

В книге «Творческая эволюция» Бергсон критически расценивает все существующие эволюционистские концепции, прежде всего дарвинизм, и эволюционизм Г. Спенсера, под влиянием которого он находился в начале своего философского творчества.

Механицисты объясняли эволюцию следующим образом: живые организмы развивают способность к изменчивости; некоторые из приобретенных черт позволяют им адаптироваться, выжить и передать по наследству полезные свойства. Окружающая среда соответственно «отбирает», каким организмам можно продолжать существование и в конечном итоге выделиться в отдельный вид, а какие организмы должны погибнуть. Согласно этой теории, вся история жизни на Земле, со всем разнообразием видов, родов и классов, должна быть понята исключительно с точки зрения физических условий ее протекания; по сути дела, сама живая материя, по мнению Г.Спенсера и других мыслителей, есть не что иное, как

совокупность физических и химических элементов. В жизни не заключено никакой цели, а в самих организмах – никакой избирательности; эволюция не имеет направления; свобода невозможна, а человек есть просто высшее животное.

Для Бергсона предмет физической науки и предмет науки о жизни существенно отличаются друг от друга. Поскольку человек сам является живым существом, именно в самом себе он может наилучшим образом увидеть различие двух способов существования. В своей первой работе *Опыт о непосредственных данных сознания*. (1889) Бергсон объясняет различие между сознанием и протяжением.

Бергсон начинает с проблемы психофизического параллелизма и формулируя свое положение о соотношении мозга и ума: мозг и ум солидарны, но не тождественны. То, что в душе, не ум — инстинкт: «сила, действующая на материю и организующая ее сообразно цели, требуемой жизнью». Это отличает инстинкт от автоматического поведения, примеров которого Бергсон приводит множество. Это прежде всего мир насекомых, где оса «знает», как парализовать жертву.

В отличие от автоматизма инстинкт предполагает некоторую симпатию, душевную открытость миру, знание единства жизни, не продуманное заранее, не усвоенное специально, а обнаруженное действиями, пережитое и выраженное. Если ум направлен на множество объектов и выявляет их сходство и различие, сравнивая каждый элемент множества с каждым другим, то инстинкт схватывает один объект или его часть, но схватывает по особенному — в его изменчивости. Ум устанавливает отношения между вещами, выделяет свойства и на основании этого способен выделять искусственные орудия труда. Ум выделяет требуемую функцию и увязывает ее с тем или иным свойством, которое характерно для целого ряда предметов. Инстинкт не высчитывает и не анализирует, но именно благодаря ему хищник догоняет свою жертву, схватывая ее в движении, а не вычерчивая и не просчитывая траекторию ее пути. Благодаря инстинкту появляются естественные орудия труда, использующие объект в целом или его часть. Это частичное познание, но поскольку в этой части оно целостно, только инстинкт способен познать движение и жизнь. Но самое главное, инстинкт способен осознать себя. На этом строится, например, эстетическое восприятие, которое ближе всего к философии жизни.

Главным методом познания должна стать интуиция, непосредственное знание. Философия интуиции, таким образом, сможет выстроить метафизику абсолютного, схватить качество жизни, то есть жизнь в становлении и движении, сможет понять настоящее, а не только прошлое, как эволюцию.

Основные определения жизни у Бергсона оказываются метафоричными. Наиболее устойчивым является образ непрерывного творческого порыва, который описывается как «ракета, потухшие остатки которой падают в виде материи... также то, что сохраняется от самой ракеты и, прорезая эти остатки, зажигает их в организмы». Согласно Бергсону,

спонтанный жизненный порыв лежит в основании тех проявлений и творческого поиска в материи, которые откликаются раздражимостью (у растений), инстинктом (у животных), интеллектом и интуицией-инстинктом — Бергсон использует оба термина — (у человека).

Общество. Соответствовать этому жизненному отклику должно и общество, которое Бергсон называет открытым и отличает от закрытого, и его духовное основание — динамические, в отличие от статических, мораль и религия. Социальная концепция завершает философию духовной жизни и творческого порыва: в качестве организующего принципа должна утвердиться любовь к человечеству на основе новой метафизики интуитивистской философии жизни.

В закрытых обществах, которые существуют ради самосохранения и защищают интересы небольшой группы людей, главным моральным принципом является моральный долг — основа воли как общая привычка. Это надындивидуальное социальное требование замкнутого общества, требующего дисциплины и иерархического подчинения. Статическая религия, обслуживающая замкнутое общество, создает мифы, которые успокаивают и защищают от страха перед смертью и всевластием интеллекта. Но даже в замкнутом обществе появляются герои, несущие с собой творческое начало и открытость. В статической религии могут появиться тексты, проповедующие братскую любовь как, например, в евангельской Нагорной проповеди. Истинная религия строится сама на творческом порыве и любви, она мистична, поскольку мистика соответствует изменчивости жизни. Динамическая мораль призвана развивать любовь к человечеству и Богу — каждый отдельный человек эмоционально отзывается на призывы моральных героев. Только в открытом обществе каждый отдельный человек — личность, благодаря этому общество постоянно развивается. За такими обществами — будущее. На основе этих идей Бергсона появляется концепция «открытого общества» К. Поппера.

Бергсона часто обвиняли в иррационализме и в том, что он борется с научным мировоззрением. Действительно, многие люди использовали его идеи для оправдания своего негативного отношения к науке. Однако эти обвинения не могут быть предъявлены самому Бергсону, отличавшемуся гибким умом и сдержанностью в оценках. Бергсон обладал острым, ясным интеллектом и хорошо понимал значение науки. В то же время ему хотелось, чтобы люди смогли по-новому взглянуть на жизнь и ее смысл, и он обратил внимание на те аспекты опыта, которые игнорировались научной мыслью. Его работы способствовали обретению биологией статуса независимой и автономной науки. В них также было выражено характерное для современного человека убеждение в реальности, а не иллюзорности свободы. Книги Бергсона заставили многих людей задуматься о смысле времени и творческих возможностях, заключенных в жизни. К его философии стали относиться с большим вниманием после того, как стала известна теория

относительности Эйнштейна, давшая новую трактовку времени.
Чрезвычайно сильно философия Бергсона повлияла на поэзию и литературу.

Литература

1. Шопенгауэр А. Сочинения: В 6 т. М., 1999 — 2001.
2. Гулыга А. В., Андреева И. С. Шопенгауэр. М., 2003.
3. Фишер К. Артур Шопенгауэр. СПб., 1999.
4. Чанышев А. А. Учение Шопенгауэра о мире, человеке и основе морали // Шопенгауэр А. Сочинения: В 6 т. М., 1999-2001. Т. 1. С. 452-468.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
6. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994.
7. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992.
8. Бергсон А. Собрание сочинений: В 4 т. Том 1. М., 1992.
9. Бергсон А. Творческая эволюция М., 1998.

Учебники:

1. В.П. Кохановский, В.П. Яковлев. История философии. Феникс 2011.
2. В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина. История мировой философии. М. 2007.
3. Ред. А.С. Колесникова. История философии. СПб. 2010.
4. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. — М.: Академический Проект: 2005. — 680 с. — («Фундаментальный учебник»)
5. Спиркин. Философия